

КАК Я СТАЛ АКТЕРОМ

Г. МИНГАЖЕВ—

1020 народный артист Башкирской АССР

Я родился в 1869 году в маленькой башкирской деревне Идрисово, Кигинского района. Уже с четырех-пяти лет я «работал»: одевал лапти матери, брал кувшин с отбитым краем и отправлялся на поиски молока. Шел и думал: «у кого попросить, кто даст молока?»

Иногда к нам приходил слепой человек. Это был мой отец, старик Мингаж, с малых лет батрачивший у муллы нашей деревни Исмагила. Он вынимал из-за пазухи кусочки хлеба, угощал нас и ласкал.

Проработав у муллы 30 лет, отец, наконец, не выдержал, ушел от него. В тот же день к нам прибежала жена муллы. Она выругала отца, сняла с него изодраный кафтан и унесла.

Когда мне исполнилось семь лет, отец отдал меня к тому же мулле Исмагилу пасти овец. Три года я пас овец и получал за это только еду. Наконец, и мне опротивило работать у этого муллы и я поступил к Мухамед-баю. За 15 рублей в лето я возил дрова, сено, присматривал за скотом и т. д. У него я тоже проработал три года. Однажды на пахоте я заснул на лошади и, обойдя борозду, оставил огрех. За это байский сын Хажи ударом сбил меня с лошади.

Так в скитаниях от бая к баю проходила жизнь. В один из январских дней 1903 года я принял твердое решение начать учиться. Услышав об этом, отец и мать опешили:

— Как учиться? Где? Кто сказал? — заговорили они. — Если ты уж так хочешь учиться, иди к бабушке Тамс. Она знает все намазы и молитвы. А больше тебе и не надо.

Я начал учиться у бабушки Тамс. Учение состояло в следующем: бабушка Тамс говорила, а мы за нею повторяли. Читать и писать она не учила. Мы даже не знали азбуки. Меня бабушка не любила, так как я мало платил за учение. Она часто драла меня за уши и застав-

ляла своего сына сесть меня. Во время очередной порки я убежал. На этом мое «учение» закончилось.

В 1912 году я отправился в Златоуст искать работу. Деревенская беднота в то время целыми партиями уходила в город, на заводы. Я включился в одну из таких групп. После долгих поисков мне повезло: я нанялся носить дрова. Я был очень рад, но работа скоро кончилась.

Затем я долго скитался от богача к богачу и лишь в конце 1913 года с большим трудом устроился мелотобойцем в котельный цех казенного завода. Затем работал в кузнечном и точильном цехах. В эти годы я научился читать по-русски.

Завод оказался моей школой. Октябрьскую революцию я встретил вместе с заводскими рабочими. Как раз в это время, по инициативе учителей, на заводе возник драматический кружок. Однако, разыграть спектакль нам не удалось: в город пришли белые...

Много было пролито крови. Вместе с рабочими я ушел на фронт бороться против Колчака.

В 1919 году мы вернулись. Завод ожил. В этом году я впервые выступил на сцене в любительском спектакле, поставленном и разыгранном рабочими. Первыми сыгранными нами пьесами были «Злая сноха» и «Найденыш». В «Найденыше» я исполнял роль богача, а в «Злой снохе» — роль глухого старика. Не знаю, понравилась ли моя игра публике, но я был очень доволен... Мне даже поручили руководство нашим любительским кружком.

В 1919 же году в Златоуст приехала труппа из Ленинграда. Все свое свободное время я проводил около театра. Ходил на каждый спектакль, на репетиции, старался научиться играть. Особенно меня заинтересовала роль татарина в пьесе М. Горького «На дне». Я пошел к режиссеру труппы, как мог,

разъяснил ему, в чем, на мой взгляд, недостатки игры артиста, исполняющего эту роль, и попросил дать мне сыграть ее. Режиссер согласился. Моя игра понравилась и артистам и публике. Это несколько сблизило меня с театром. Я изучал все — движение, мимику, грим. Артисты же, видя, что я интересуюсь сценическим искусством, учили меня.

Я начал серьезно думать о переходе на постоянную работу в театре. В 1921 году для этого представился подходящий случай: меня пригласили в Красноярск для участия в татарской труппе. Я поехал, играл во многих пьесах и был дружески принят зрителями. В Красноярске же я снова играл татарина в пьесе «На дне».

Наступил 1922 год. Я приехал в родные края, чтобы поступить в башкирскую труппу.

— Артистов у нас много, примем только в качестве статиста, — сказали мне. — Артисты получают 250 миллионов (тогда мы были еще «миллионерами»), а тебе дадим 80 миллионов. Если согласен, то оставайся.

Я остался и мне дали роль свата Вали в пьесе «Алдый бердим».

В те времена спектакли шли после трех-пятидневной подготовки. Бывали случаи, когда после провала спектакля некоторые артисты обвиняли во всем суфлера и сейчас же после спуска занавеса вытаскивали его из будки и колотили...

Вспоминаю некоторые эпизоды из летних поездок. Май 1924 года. Четыре телеги, запряженные лошадьми. На них — артисты и наше имущество.

В деревнях нас встречали по-разному. В одних местах население еще задолго до начала спектакля тесным кольцом окружало сцену. В других селах, где было еще сильно влияние мулл, зрителей бывало мало. Они побаивались близко подойти к нам.

В деревне Кулбак, Зилаирского кантона, мы, соорудив на улице сцену, начали спектакль. Собрались, главным образом, дети, но и они смотрели издали, трусливо. Женщины стояли совсем в стороне. Однако, постепенно народ, заинтересовавшись

нашей игрой, приблизился к сцене, подошел почти к самой рампе. В самом разгаре спектакля послышался звон бубенчиков, и все наши зрители, а особенно женщины, с возгласами: «Абдрахман-мулла приехал!» — разбежались по домам...

Иногда зрители принимали наши спектакли за подлинную жизнь. В одной из деревень этого же кантона мы играли пьесу «Еникай-Юлдыбай». В пьесе по ходу действия пропадает девушка. Отец девушки Карамурза поднимает тревогу, доводит своих жен до слез и уходит из дому. В этот момент две женщины из публики поднялись на сцену и со слезами на глазах начали утешать жен Карамурзы:

— Не плачьте. Деревня наша не большая и если только девушка не убежала в лес, мы ее живо найдем.

В одной из деревень Тамьяновского кантона мы играли пьесу «Гижрат». Зрители весело смеялись над моим исполнением роли муллы Гайнетдина. Мулла этой деревни не вытерпел, пришел за кулисы, поздравился со мной и начал поносить деревенских зрителей:

— Невоспитанные, насмеются над тобой. Но ты, мулла, не обращай внимания на их насмешки.

В 1929 году театр прочно обосновался в Уфе. Актёрский состав пополнился новыми кадрами, получившими специальное театральное образование. Театру были предоставлены широкие возможности для настоящей, плодотворной работы.

Дружный, крепкий коллектив театра помог и мне подняться выше. В 1932 году правительство наградило меня званием заслуженного артиста, а в дни пятинадцатилетнего юбилея Башкирского академического театра — присвоило мне звание народного артиста.

Я достиг самой высокой ступени моих желаний. Советская власть сделала меня человеком. Только при советской власти я научился читать и писать и увидел светлую жизнь. И я говорю большое спасибо нашему родному правительству и товарищу Сталину — лучшему другу и учителю трудящихся всех национальностей.